

Шоу должно продолжаться!

Джонатан Ларсон умер от разрыва сердца накануне премьеры мюзикла "Плата за проживание" (Rent), который сделал его знаменитым. Сегодня, спустя полтора года после появления на бродвейских подмостках этой осовремененной версии "Богемы", ясно, что мюзикл Ларсона стал важнейшей культурологической вехой в истории американской музыки и американского театра.

Уже заключена сделка на превращение мюзикла в фильм, а альбом песен из "Платы за проживание" — один из самых коммерчески успешных среди всех бродвейских саундтреков. Мел Гибсон, Стивен Спилберг, Джоди Фостер и другие знаменитости приходят за кулисы, где участники спектакля организовали своеобразную "Стену плача" на которой желающие пишут о своих впечатлениях от спектакля и выражают благодарность его создателю.

Имя Джонатана Ларсона, скончавшегося в 37 лет, в сознании американцев слилось с названием его мюзикла. "Джонатан Ларсон — это "Плата за проживание"! — безапелляционно заявил один из менеджеров спектакля вскоре после смерти композитора.

Но "Плата за проживание" дебютировала на бродвейских подмостках 26 января 1996 года, а Ларсон умер 25 января. Что о нем известно помимо того, что он создал самый выдающийся мюзикл последних лет?

Когда друзья разбирали его вещи после смерти, они нашли дневник, который Ларсон вел в колледже. "Если я умру... — гласила первая запись, — я хочу, чтобы меня кремировали, а прах развеяли на высокой горе с песнями, плясками и плачем". Слово "если" впоследствии было зачеркнуто, и заменено на "когда".

Неподалеку от дома, где родился и вырос Ларсон, был магазин пончиков, а на магазине красовался лозунг: "Куда бы ты ни шел, какова бы ни была твоя цель, всегда смотри на пончик, а не на дырку от него!" Позже композитор говорил друзьям, что эта фраза стала семейной поговоркой. Ларсон родился в пригороде Нью-Йорка, 4 февраля 1960 года, и родители частенько выбирались на Бродвей, чтобы посмотреть новый мюзикл. С 5 лет мальчик начал играть на пианино. Еще в начальных классах школы Джонатан стал организовывать спектакли с участием соседских мальчишек и девочек. Они поставили "Волшебника Изумрудного города", устроили пышное представление "Острова Гиллигана" на открытой сцене. Как сказал один из одноклассников Ларсона, "его выбирали последним в футбольную команду и первым — на все музыкальные мероприятия". После школьного представления "Вестсайдской истории" одноклассница подошла к Ларсону и попросила оставить автограф на программке. "Я поняла, что он станет знаменитостью", — говорит она.

В старших классах Джонатан ухаживал за красивой, мечтавшей стать танцовщицей. Он засыпал ее стихами и цветами, и ужасно огорчался, что его лучший друг Мэттью О'Грэдди никак не найдет себе подружку. После долгих колебаний приятель признался ему, что он гей. "Джон сказал мне: "Не переживай. Для меня это не имеет никакого значения", — вспоминает О'Грэдди.

Ко времени выпускного бала Ларсон был знаменитостью местного масштаба. Он поставил на школьной сцене "Божьи чары", и, разумеется, роль Христа досталась ему. "Его уже тогда зашатавали", —

грустно шутит сегодня бывший одноклассник Ларсона, актер Майкл Линдсей. Он вспоминает, что во время представления Ларсона должны были опустить на сцену на лебедке. Механика сильно подвела, и вместо сцены исполнитель главной роли опустили на стропила. Он не растерялся и продолжал петь.

Но уже тогда Ларсон так сильно волновался во время представлений, что у него начинались сильнейшие сердцебиения. Отправившись на прослушивания в университет Адельфи, где он рассчитывал получить престижную стипендию на актерское отделение, Ларсон потерял сознание в автомобиле. Через несколько минут он очнулся и блестяще прошел собеседование, заработав стипендию.

Руководитель театральной программы в Адельфи Жак Бурдик не устал рассказывать своим ученикам о древнегреческой концепции "кефи", своеобразного мировоззрения, позволяющего сохранять оптимизм. Каким бы ужасным ни было твоё положение, у тебя есть "ке-

на один из самых знаменитых романов XX века будет не так-то просто.

Прошло два года, прежде чем он понял, что проект не состоится. Причина? Очень просто — на дворе уже 1985 год, время упущено. Ларсон решил переделать мате-

инфицирован. "Он был так расстроен, что мне же пришлось его утешать", — вспоминает О'Грэдди.

К 90-м годам Ларсон понял, что мюзиклы вообще и рок-мюзиклы в частности — настоящая черная дыра; в нее нужно вкладывать прорву денег, и никто никогда не рискнет сделать ставку на неизвестного композитора. Тогда он сочинил рок-монолог "Тик, тик... бум!" — о молодом композиторе, который просыпается в день 30-летия и решает — бросать или не бросать ему музыкальный театр. Главного героя зовут Джонатан Ларсон. Он живет в Нью-Йорке в грязной квартире, у него есть подружка-танцовщица и лучший друг, больной СПИДом. Ларсон собирался сам исполнять свой рок-монолог, чтобы не нарваться снова на бродвейские голоса. Как всегда, он верил, что этот спектакль станет его прорывом в мир шоу-бизнеса.

С помощью Виктории Ликок Ларсон смог организовать два шоу в театре Second Stage. Он разослал бродвейским продюсерам

ты за проживание" в Нью-Йоркской театральной лаборатории, маленькой, но престижной театральной компании в Ист-Вилледж. Финансирование вскладчину осуществляли три независимых продюсера — Джеффри Селлер, Кевин МакКоллум и Аллан Гордон. Однако все сходились во мнении, что произведение Ларсона нуждается в капитальной доработке. Джеймс Никола, руководитель лаборатории, поставил перед Ларсоном задачу: сконцентрировать сюжет в одной фразе.

Ларсон приступил к переделке мюзикла. К тому времени он жил один — его подруга Дженет Чарлстон покинула его, не в силах терпеть его творческий образ жизни. Каждый вечер, возвращаясь домой с работы (Ларсон продолжал работать в ресторане), он садился за партитуру и работал до рассвета. По выходным он варил себе огромный котел макарон и покупал большую бутылку соуса — этого хватало на целую неделю. "Плата за проживание" должна была дебютировать на сцене осенью 1995 года. Ларсон был настолько в себе уверен, что бросил, наконец, работу в ресторане. Однако в октябре 1995 года на очередной читке продюсеры заявили ему, что второй акт по-прежнему сырой и не готов к постановке. Бюджет шоу составлял 250 тысяч долларов, и продюсеры отказывались выделить эти деньги, пока второй акт не будет снова переработан.

К этому времени уже начались прослушивания актеров на главные роли, а Ларсону еще не заплатили ни гроша. Репетиции должны были начаться в декабре, и продюсеры требовали срочных и местах кардинальных переделок.

Возможно, Ларсону показалось, что его новое произведение ждет судьба предыдущих работ. "Он был ужасно подавлен, обеспокоен, все время жаловался на плохое самочувствие, — вспоминает Лиза Хаббард. — Я посоветовала ему позвонить Сондхайму."

"Ты должен выслушать внимательно все, что тебе говорят, и поблагодарить за четкие и ясные пожелания, — сказал ему мэтр и наставник. — Даже если ты не согласен, твоё мнение сейчас не имеет значения".

Ларсон внял совету. Ноябрь и декабрь 1995 года он работал по 20 часов в сутки, чтобы успеть переписать куски, не понравившиеся продюсерам. Он мало виделся с друзьями, и, как свидетельствует Лиза Хаббард, несколько раз засыпал в зрительном зале, когда она вытаскивала его посмотреть кино.

Однако в последних числах декабря, когда состоялся первый прогон спектакля, все пришло к единогласному мнению, что Ларсон создал выдающийся мюзикл. Он даже сумел сформулировать его содержание в одной фразе, чего так хотели продюсеры. "Плата за проживание" — это рассказ о людях, празднующих жизнь перед лицом смерти и СПИДа на пороге третьего тысячелетия".

В начале января, во время одной из репетиций Ларсон потерял сознание за кулисами театра. Его отвезли в больницу, где врачи поставили диагноз "пищевое отравление". Прошло несколько дней. Ларсон по-прежнему плохо себя чувствовал. Он отправился в другой госпиталь, где ему диагностировали грипп. Вечером 24 января Ларсон присутствовал на генеральной репетиции "Платы за проживание". Он встретился с критиком из The New York Times, который сказал ему, что он создал великое произведение. Затем Ларсон поехал домой, вошел в квартиру, поставил чайник на плиту и умер.

НЬЮ-ЙОРК

Джонатан ЛАРСОН: "Если я умру..."

Сьюзен ХОУАРД

фи", и, значит, смысл в жизни. Прослушав длинную лекцию на эту тему, Ларсон рассказал учителю про лозунг на магазине пончиков, где вся концепция уместается в одной фразе. "Мир профессионального театра невероятно жесток, — предупредил его учитель. — Степень неприятия настолько велика, что даже с "кефи" человек должен полностью отдаться своему творчеству, иначе он ничего не добьется".

Во время учебы в Адельфи Ларсон поставил восемь шоу в студенческом кабаре. Он писал так же легко, как играл, однако его беспокоило то, что все его однокашники любят музыку, но никто из них не любит мюзиклы. Он же любил всю музыку — от The Who до Стивена Сондхайма.

В 1981 году он отправил Сондхайму письмо, которое сочинял несколько месяцев. Это было послание восторженного поклонника и ученика своему кумиру, по стопам которого он собирается пойти. Через несколько недель пришел ответ: Сондхайм пригласил Ларсона в гости.

Весной 1982 года начинающий композитор поехал в Коннектикут, где проживал в то время мэтр. Ларсон стоял на распутии. Что предпочесть: сочинительство или лицедейство? Сондхайм считал, что двух мнений на этот счет быть не может. "Голодающих актеров гораздо больше, чем голодающих музыкантов, — сказал он. — Даже если у тебя нет заказов, всегда можно перебиться игрой на пианино в баре!"

Решение принято. По окончании университета Ларсон окончательно перебрался в Нью-Йорк, устроился официантом в закусочную и начал сочинять мюзикл по мотивам романа Джорджа Оруэлла "1984". Ему даже не приходило в голову, что приобрести права

риал в рок-мюзикл "Супербия", действие которого происходит в будущем, но события и персонажи взяты из настоящего: это история молодого человека, который пытается пробиться в мир знаменитостей. Закончив "Супербию", Ларсон без ложной скромности заявил друзьям: "Я — будущее музыкального театра".

Однако менеджеры театров так не считали. После долгих и безуспешных попыток организовать чтение "Супербии" Ларсону удалось убедить руководителей новой театральной труппы Naked Angels, в которой в то время работали такие знаменитости, как Мэри Стюарт Мастерсон и Хэлен Слейтер. Во время чтения Мастерсон все время отпускала ехидные реплики по поводу мюзикла, а Слейтер постоянно хихикала. Дальше первого чтения дело не продвинулось.

В 1988 году Ларсон организовал экспериментальную постановку "Супербии" в Playwright Horizons, но вместо рок-шоу он имел бродвейские голоса, а вместо оркестра ему пришлось удовольствоваться сопровождением на пианино. Одновременно Ларсон и его подруга Виктория Ликок выполняли работу гардеробщиц и контролеров. Перед началом спектакля Ларсон заметил в зале "самого" Сондхайма, который через несколько минут стал свидетелем его позора. В перерыве он подошел к Ларсону и сказал: "Попытка была неплохая", — но на второй акт не остался.

К этому времени Ларсон провел в Нью-Йорке шесть лет. В Адельфи он поставил восемь шоу, в Нью-Йорке — одно. Ларсон по-прежнему старался смотреть на пончик, а не на дырку, но с годами это становилось все труднее. В том же году он узнал, что его школьный друг Мэтт О'Грэдди ВИЧ-

рам эксцентричные приглашения по факсу. Первый факс гласил: "Тик". Второй — "Тик". Третий — "Бум!" Перепуганные продюсеры в ужасе звонили Ликок и спрашивали, почему им угрожают терактом. Директор Second Stage пригласил на шоу влиятельного критика из New York Times, и тот сказал, что спектакль ему понравился, но писать о нем он не будет. Second Stage решил не продолжать показ шоу.

Ларсон пытался возобновить сценическую жизнь "Тик, тик... бум!" до 1993 года. Но еще раньше он начал работать над новым произведением "Плата за проживание" — идею подкинул ему Билли Аронсон, драматург, с которым Ларсон был знаком со времени работы в Playwrights Horizons. Они охотно обсуждали идею создания осовремененной "Богемы". Пучиния, но если Аронсон видел ее как юмористические зарисовки из жизни художников-яппи из Вест-Сайда, то Ларсону хотелось показать обитателей Ист-Вилледж с их вызывающим стилем жизни и образом мыслей.

Проблема, однако, заключалась в том, что Ларсон очень плохо представлял себе жизнь Ист-Вилледж. Для погружения в среду он попросил свою приятельницу Лизу Хаббард сводить его в лесбийский клуб. После этого он еще пару раз выбирался в те места, но на сей раз из машины не выходил — боялся. Вместе с Мэттом О'Грэдди Ларсон посещал группу поддержки ВИЧ-инфицированных, и однажды стал свидетелем того, как новичок, еще не привыкший к своему положению, спросил у остальных: "Значит ли это, что я потеряю самоуважение?" Эта фраза стала основой одной из самых трогательных песен мюзикла.

К 1994 году обрисовалась перспектива постановки "Пла-

Экран и сцена.

Ларсон Линонотат

25.05. - 5.06.97.